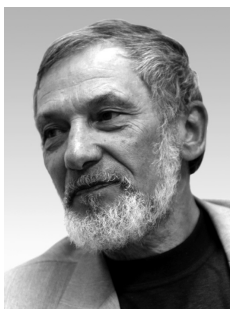

Философско-методологические проблемы

ПСИХОЛОГИЯ: ИЛЛЮЗИИ ИДЕНТИФИКАЦИИ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

В.М. РОЗИН

Розин Вадим Маркович — ведущий научный сотрудник Института философии РАН, доктор философских наук, профессор. Развивает свое направление методологии, основанное на идеях гуманитарного подхода, семиотики и культурологии. Автор более 300 научных публикаций, в том числе 42 книг и учебников, среди которых: «Философия образования» (1999), «Типы и дискурсы научного мышления» (2000), «Культурология» (1998–2004), «Эзотерический мир. Семантика сакрального текста» (2002), «Личность и ее изучение» (2004), «Психология: наука и практика» (2005), «Методология: становление и современное состояние» (2005), «Мышление и творчество» (2006), «Любовь в зеркалах философии, науки и литературы» (2006).

Контакты: gozinvm@mail.ru

Резюме

В статье в форме виртуального диалога, происходящем между психологом и методологом, анализируется ситуация, сложившаяся в современной российской психологии. Обсуждается, во что вылились подходы и программы, намеченные ведущими психологами в XX столетии, почему в психологии не удается реализовать естественно-научный эксперимент, падает значение теории деятельности, «зависла» культурно-историческая концепция Л.С. Выготского, психологическая практика мало эффективна. Обосновывается, что психология стоит на пороге принципиально нового этапа своего развития: для нее характерна ориентация на несколько разных идеалов научного познания, общий сдвиг познания в область идеалов гуманитарной науки, создание психологических практик. Одни программы построения психологии исчерпали себя, другие только складываются. Во всех случаях современное психологическое знание и познание должны быть методологически оснащенными, диалогичными, отзываться на живые проблемы времени, способствовать духовному росту человека, лучшему пониманию им самого себя.

Ключевые слова: методология психологии, идеалы научного познания, российская психология

Если спросить психолога, каково состояние дел в психологии, то, вероятно, последует оптимистический ответ. Психология на подъеме, психологи востребованы в разных областях человеческой деятельности, мы сегодня гораздо больше знаем о психике человека. Если пытаться психолога дальше, требуя научного самоопределения и идентификации, то последуют такие ответы. Психология, скажет наш эксперт, представляет собой науку, наподобие естествознания, только о психике человека. Она стремится обосновать свои знания с помощью эксперимента и психологической практики.

При этом российский психолог, унаследовавший от советской психологии интеллектуальные долги, может вспомнить программу Л.С. Выготского, писавшего в 1927 году: «Психология, которая призвана практикой подтвердить истинность своего мышления, которая стремится не столько объяснить психику, сколько понять ее и овладеть ею, ставит в принципиально иное отношение практические дисциплины во всем строе науки, чем прежняя психология... Психотехника поэтому не может колебаться в выборе той психологии, которая ей нужна (даже если ее разрабатывают последовательные идеалисты), она имеет дело исключительно с каузальной, с психологией объективной; некаузальная психология не играет никакой роли для психотехники... Мы исходили из того, что единственная психология, в которой нуждается психотехника, должна быть описательно-объяснительной наукой. Мы можем теперь добавить, что эта психология, кроме того, есть наука эмпирическая, срав-

нительная, наука, пользующаяся данными физиологии, и, наконец, экспериментальная наука» (Выготский, 1982, с. 387, 390).

Если наш психолог сторонник теории деятельности в духе А.Н. Леонтьева, например, как Александр Асмолов, то он обязательно добавит, что психология старается реализовать «культурно-историческую концепцию Выготского», что это столбовая дорога психологической науки. Как известно в основе культурно-исторической теории лежат две главные идеи: *исторического подхода* и *ведущей роли в развитии психики знаков и социальных факторов*. «Предполагались, — пишет Л.С. Выготский, — закономерности чисто природного, натурального или чисто духовного, метафизического характера, но не исторические закономерности». «Новому типу поведения с необходимостью должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков» (Выготский, 1983, с. 16, 82–83).

Если же он не сторонник культурно-исторической теории, то не будет себя связывать с необходимостью рассматривать психику человека исторически и как культурно-обусловленную. Впрочем, и сторонники теории деятельности почему-то освобождают себя от подобного анализа. Современные психологи что-то не спешат обращаться к семиотике, чтобы на ее основе уточнить или перестроить свои понятия. Более того, идеи историзма и культуры, на которых так настаивал Л.С. Выготский, тоже только приговариваются. Реальный же анализ психики

по-прежнему ведется в молчаливом предположении, что существуют вечные законы психики, которые везде одинаковы: берем ли мы современного образованного человека или аборигена или средневекового монаха. Критикуя этот подход, Л.С. Выготский еще в конце 20-х годов писал: «В основе психологии, взятом в аспекте культуры, предполагались закономерности чисто природного, натурального или чисто духовного, метафизического характера, но не исторические закономерности. Повторим снова: вечные законы природы или вечные законы духа, но не исторические законы» (там же, с. 16).

Дальше наш эксперт скажет, что психология позволяет получить знания, на основе которых можно программировать поведение человека, управлять этим поведением. Здесь он опять может сослаться на Л.С. Выготского и, кстати, пояснить почему тот говорил о «психотехнике». Подобно тому, как физика, рассматриваемая как образец естественных наук, ориентируется в плане использования своих знаний на технику (инженерию), так и естественно-научная психология должна ориентироваться на психотехнику. Подобно тому, как инженер может создать механизмы, с помощью которых человек управляет природными процессами, так и естественно-научная психология даст возможность управлять поведением человека. Наконец, если инженер может создавать новые машины и механизмы, то почему этого не может сделать психолог? «Когда, — пишет Л.С. Выготский в той же программе, — говорят о переплавке человека, как о несомненной черте нового человечества, и об искусственном со-

здании нового биологического типа, то это будет единственный и первый вид в биологии, который создаст сам себя... В будущем обществе психология действительно будет наукой о новом человеке. Без этого перспектива марксизма и истории науки была бы неполной» (Выготский, 1982, с. 436).

Конечно, добавит наш психолог, есть кое-какие проблемы. Почему-то, сколько не бьемся, а эксперимент в духе физики пока не получается. И может сослаться для примера на исследования личности Л. Хьеллом и Д. Зиглером, и не только на их работы. Поскольку психологию Л. Хьелл и Д. Зиглер понимают главным образом в естественно-научном ключе, они пытаются понять, каким образом психологи экспериментально проверяют свои теории. Так, теорию З. Фрейда Л. Хьелл и Д. Зиглер оценивают следующим образом. «Основная ловушка для персонологов, заинтересованных в проверке теории З. Фрейда, заключается в невозможности воспроизведения клинических данных в контролируемом эксперименте. Вторая проблема в установлении валидности психоанализа связана с тем, что его положениям невозможно дать рабочие определения (то есть теоретические концепции зачастую сформулированы таким образом, что трудно делать из них недвусмысленные выводы и проверяемые гипотезы). Когда получаемые результаты основаны на столь нечетких и неопределяемых умозаключениях, просто невозможно понять, согласуются ли они с теорией» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 138).

Или другое высказывание этих авторов, уже по поводу конкретного

механизма вытеснения. В 1979 году М. Эрдели и Б. Голдберг представили обзор по проблеме вытеснения. «Они напоминают, что клинические наблюдения и исследования обеспечивают изобилие данных, согласующихся с этим феноменом. Однако недостаточная строгость клинического подхода создает серьезные трудности. С другой стороны, экспериментальные работы точны, но эта точность достигается дорогой ценой, а именно ценою существенного упрощения исследуемых процессов. Столкнувшись с подобной тупиковой ситуацией, мы можем даже заключить, что феномена вытеснения вообще не существует» (там же, с. 142).

А вот оценка Л. Хьеллом и Д. Зиглером верифицируемости теории К. Роджерса. «Хотя теория Роджерса дает возможность для выдвижения экспериментальных гипотез, некоторые из его концепций, такие как «тенденция к актуализации», «полноценное функционирование» и «организмическое переживание», слишком расплывчаты для эмпирической проверки» (там же, с. 581). Поскольку остальные психологические теории по критериям теоретической строгости и верифицируемости мало чем отличаются от фрейдовской и роджерсианской, в том смысле, что тоже не соответствуют указанным критериям, Л. Хьелл и Д. Зиглер, заканчивая свою книгу, справедливо спрашивают: «можно ли в принципе теоретические концепции проверять эмпирическим путем?» (там же, с. 580).

«Ситуация эксперимента, — пишет Б.В. Зейгарник по поводу исследований Курта Левина, наиболее

последовательно пытавшегося реализовать естественно-научный подход, — затрагивала в той или иной форме и самооценку, и критичность, и механизмы саморегуляции человека, причем выступало все это не как следствие интерпретации, не на основе анализа безусловно обоснованного метода, а столь же реально, как в жизни. Все то, о чем пишут представители других школ: ненаправляемость поведения (К. Роджерс), оживление прошлых ассоциаций, грезы, мечты, ирреальный план при замещении (как у З. Фрейда) — все это происходило в экспериментах левинской школы. То, что Левин называл “полем”, “психологическим пространством”, было реальным отрезком жизни, в котором выявляется личность... исследование Левиным личности нацеливает на то, чтобы эксперимент заключался не в установлении какой-либо черты, особенностей восприятия, а в создании экспериментальной ситуации как взаимодействия, как общения между испытуемым и экспериментатором. Главное, чтобы он был построен так, чтобы реализовывались особенности личности испытуемого, его саморегуляции, критичности, самооценки, умения или неумения вступать в контакт с другими...» (Зейгарник, 1987, с. 50–52).

Что же получается, может резюмировать свои сомнения наш эксперт, — полная противоположность естественно-научному эксперименту. «Создание пласта реальной жизни», «организация общения испытуемого и экспериментатора» — это, с одной стороны, система психотехнических воздействий, с другой — ориентация явно на другие установки, судя по

всему, гуманитарные. Не следует ли из рассмотрения всех этих случаев, что психотехническое воздействие принципиально неустранимо? Что в природе психического нет чистого естественного процесса? Но допустим, что естественнонаучной эксперимент в психологии все же возможен. Какие требования к нему тогда необходимо предъявить? Очевидно, что в этом случае психотехническая теория должна содержать не только описание психики испытуемого, но и объяснение взаимоотношений экспериментатора с испытуемым. Однако такие взаимоотношения не относятся к первой природе, которую описывает естественная наука (деятельность, культурное поведение, общение, изобретение, творчество и т. д.). И все подобные феномены сфера уже другой дисциплины — гуманитарной науки, а также практики, психотехнических воздействий. Если только, конечно, не считать вслед за адептами естественно-научного подхода, что наука может быть только одна — естественная.

Проблема, продолжит наш психолог, существует и с оценкой эффективности психологической практики. Два года тому назад в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики» (2006, № 1) прошла интересная дискуссия «Психотерапия как наука» о состоянии и статусе современной психотерапии, где много говорили об эффективности

этой дисциплины. Если одни участники дискуссии, например, А. Сосланд утверждали, что «эффективность психотерапии давно доказана», то другие возражали: неясно, говорили они, как измерять эффективность в психотерапии и что это такое. Например, А. Тхостов пишет: «Корректно проведенные исследования весьма немногочисленны, а утверждения самих психотерапевтов о безусловной эффективности их методов можно принимать только на уровне веры (Huber, 1996)» (Тхостов, 2006, с. 106).

Но возможно, скажет наш эксперт дальше, это потому, что психологи так и не ответили ясно на вопрос, поставленный еще Л.С. Выготским, почему должны существовать много психологий и какая из них описывает нашу психику наиболее верно. Конечно, добавит он, я знаю точку зрения постмодернистов и всяких там плюралистов, что наука — это языковая игра, правила которой устанавливает сам ученый, поэтому де могут существовать много разных психологий на любой вкус. Но я, скажет он, в это не верю. Разве возможна «психика по Фрейд», «по Роджерсу», «по Гроффу», «по Пиаже» — это все разное, почти противоположное. Есть нормальная психика человека, по поводу которой и должна быть единая психологическая теория¹.

Здесь на сцену выходит оппонент, ну скажем, методолог-психолог типа

¹ Как тут не вспомнить конец стихотворения «Сороконожки» Веры Инбер:

<i>Видит — в луже тихо</i>	<i>Мать сказала плача:</i>	<i>Слишком много ножек</i>	<i>Аист — он хороший,</i>
<i>Дремлет аистиха,</i>	<i>«Аистам удача, —</i>	<i>У сороконожек.</i>	<i>Он одной калошей,</i>
<i>Рядом — аистенок</i>	<i>Вот какой ребенок</i>	<i>Ноги — это гадость,</i>	<i>Мамочке на радость,</i>
<i>На одной ноге.</i>	<i>Нужен был бы мне!</i>	<i>Если много ног.</i>	<i>Обойтись бы мог».</i>

Вадима Розина и начинает возражать. Начнем с того, говорит он, что психология не является естественной наукой. Да, многие психологи пытались конституировать психологию по образцу естествознания, но из этого ничего не получилось. Не удастся построить эксперимент по образцу естествознания, о чем уже говорилось, не удастся развернуть психологическую теорию, удовлетворяющую требованиям математизации, не удалось построить психотехнику, о которой мечтал Л.С. Выготский. Конечно, и сегодня много психологов верят в естественно-научный подход и пытаются его реализовать; взять хотя бы когнитивную психологию или синергетические варианты построения психологической теории. Но не напоминают ли они тех физиков и техников, которые до сих пор упорно пытаются построить вечный двигатель, хотя еще два века тому назад было доказано, что это невозможно?

Здесь эксперт берет слово и возражает. Как же так, говорит он, а теории, которые построили сторонники естественно-научной психологии? Они давно вошли в золотой фонд психологии.

Вадим Розин соглашается: да, вошли, только заметьте коллега, говорит он, — это не естественно-научные теории. Действительно, психологические теории объясняют факты, причем непротиворечиво. Но ведь я уже говорил: нет ни эксперимента, ни математических моделей. А как используются знания этих психологических теорий? Разве в рамках инженерной деятельности (психотехники по Л.С. Выготскому)? Нет, и еще раз нет. Знания и схемы,

заимствованные из естественно-научных психологических построений, используются именно как схемы для интерпретации и лучшего понимания. Поэтому вполне можно согласиться с Л. Хьеллом и Д. Зиглером. «Теория, — пишут они, — это система взаимосвязанных идей, построений и принципов, имеющая своей целью объяснение определенных наблюдений над реальностью. Теория по своей сути всегда умозрительна и поэтому, строго говоря, не может быть «правильной» или «неправильной»... Теория личности является *объяснительной* в том смысле, что она представляет поведение как определенным образом организованное, благодаря чему оно становится понятным. Другими словами, теория обеспечивает смысловой каркас или схему, позволяющую упрощать и интерпретировать все, что нам известно о соответствующем классе событий. Например, без помощи теории (очевидно, психоанализа З.Фрейда. — В.Р.) было бы трудно объяснить, почему пятилетний Рэймонд испытывает такую сильную романтическую привязанность к матери, в то время как отец вызывает у него чрезмерное чувство негодования» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 26).

Поэтому давайте не путать, заключает Вадим Розин. Психологи, которые пытаются построить психологию по образцу естествознания, на самом деле создают схемы и на их основе теории, но какие? Не естественно-научные, а примерно такие, которые строились в античной культуре. Последние, как я показываю в книге «Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация» (Розин, 2008), действительно,

не требовали экспериментов и математизации, они были нацелены на построение непротиворечивых знаний и решение ряда культурных проблем.

А что вы понимаете, говоря о схемах, с вызовом может спросить наш эксперт, вот у Галилея есть математические схемы, у Курта Левина — тоже, и у современных психологов их много.

Схема, объясняет Вадим Розин, — это не модель. Галилей, действительно, сначала создал схему и его оппоненты ему это показали. Но затем, именно за счет эксперимента он превращает эту схему в модель, позволяющую рассчитывать и прогнозировать. Модели дают возможность рассчитывать, прогнозировать и управлять, а схемы — только понимать феномены и организовать деятельность. Построения Курта Левина или современных психологов — это схемы. А психологи думают, что модели. Но это иллюзия. Кстати, именно потому, что психологи создают схемы, психика в разных психологических школах может быть представлена по-разному, в разных схемах. Онтологическое же основание такой множественности понятно: современная культура допускает разные типы социализации и самоорганизации человека. В результате и возможны, что вас почему-то сильно возмущает: «человек по Фрейд», то есть находящийся в конфликте с культурой и сексуально озабоченный (разве таких мало в нашей культуре?), «человек по Роджерсу», ориентированный, как бы сказал Т. Шибутани, на согласие (таких еще больше), «человек по Гроффу», «реприхнувшийся» на эзотерических

представлениях (и таких в нашей культуре немало) и т. д. И все они заметьте, имеют полное право на существование, и у всех у них разная психика.

Наш эксперт-психолог, наверняка, не согласится, сказав: может и имеют право, но не в моем мире, а психика у них у всех одна. Просто, одни здоровы психически, а другие, как С. Грофф, давно поехали.

Уверен, шутит Вадим Розин, вы и меня подозреваете в том же. Может быть, может быть... но давайте лучше перейдем к обсуждению мифа о том, что психологи исповедуют культурно-историческую теорию Л.С. Выготского. Действительно, никто в психологии вроде бы не отрицает идеи культурно-исторической теории, но практически почти никто их и не развивает.

А как же работы А.Н. Леонтьева, живо возражает наш психолог-эксперт. Развивая идеи культурно-исторической теории, А.Н. Леонтьев писал о развитии деятельности и «личностных смыслах».

Но не пошел ли он, не соглашается Вадим Розин, в прямо противоположном направлении. Ведь идея деятельности, понимаемая как предметная реальность, которую, непонятно почему, приписывают Л.С. Выготскому, как раз закрывает дорогу культурно-исторической теории, точно также как идеи сознания и смысла совершенно не эквивалентны идее знака (сигнификации), зато вполне оправдывают трактовку психики в плане вечных законов духа. Характерно, добавляет В. Розин, замечание последователей А.Н. Леонтьева в словаре «Психология» (под общей редакцией А.В. Петровского и

М.Г. Ярошевского). «Культурно-историческая теория подвергалась критике, в том числе со стороны учеников Л.С. Выготского, за неоправданное противопоставление «натуральных» и «культурных» психических функций; за понимание механизма социализации как связанного преимущественно с усвоением знаково-символических (языковых) форм; за недооценку роли предметно-практической деятельности человека. Последний аргумент стал одним из исходных при разработке учениками Л.С. Выготского концепции структуры деятельности в психологии» (Психология..., 1990, с. 183). Однако каким образом возможна культурно-историческая трактовка психики, если не разводить «натуральные» и «культурные» функции, сводить значение знаков к их смыслам, а сложную реальность, включающую социокультурные, институциональные (в частности, образовательные) и личностные процессы, — к предметно-практической деятельности?

Безусловно, продолжает Вадим Розин, Лев Семенович Выготский не всегда был последователен в своих построениях и методологических установках, давая своим последователям поводы для творчества в духе, противоположном основным идеям культурно-исторической теории. Но и здесь, нужно сказать, проблемы и противоречия лежат в другой плоскости. Как спрашивается, Л.С. Выготский понимает развитие психики? *Как овладение собственными психическими процессами с помощью знаков под влиянием социальной детерминации со стороны общества.* «Новому типу поведения, — пишет Л.С. Выготский, — с необходимостью

должен соответствовать новый регулятивный принцип поведения. Мы находим его в социальной детерминации поведения, осуществляющейся с помощью знаков... Если вслед за Павловым сравнить кору больших полушарий с грандиозной сигнализационной доской, то можно сказать, что человек создал ключ для этой доски — грандиозную сигналистику речи. С помощью этого ключа он овладевает деятельностью коры и господствует над поведением... Но вся сложность вопроса становится очевидной, как только мы соединяем аппарат и ключ в одних руках, как только мы переходим к понятию автостимуляции и овладения собой. Здесь и возникают психологические связи нового типа внутри одной и той же системы поведения» (Выготский, 1983, с. 82–83).

То есть, хотя ведущим является социальная детерминация — «Не природа, но общество должно в первую очередь рассматриваться как детерминирующий фактор поведения человека. В этом заключена вся идея культурного развития ребенка» (там же, с. 85) — человек овладевает своим поведением **сам**, отсюда фраза «аппарат и ключ в одних руках» и «автостимуляция». Точно, как у И. Канта, хотя человек сам порождает реальность, но на основе априорных начал и ведет его разум, который, в конце концов, оказывается Творцом. У Л.С. Выготского человек тоже сам овладевает поведением, но ведет его не Творец, а общество или, если речь идет о ребенке, педагог как его представитель. Естественно возникают два принципиальных вопроса: что же это за человек, который с самого раннего детства может

овладевать своим поведением (мы знаем, что даже не каждый взрослый на это способен), и каким образом происходит социальная детерминация? На первый вопрос Л.С. Выготский отвечает так: овладевать своим поведением может только *личность*, то есть для Л.С. Выготского каждый человек является личностью. «Детская психология не знала, как мы видели, проблемы высших психических функций, или, что то же, проблемы культурного развития ребенка. Поэтому для нее до сих пор остается закрытой центральная и высшая проблема всей психологии — проблема личности и ее развития» (там же, с. 41).

На второй вопрос ответ Л.С. Выготского неоднозначен. С одной стороны, он характеризует овладение по аналогии с познанием и управлением природными процессами. «Остается допустить, что наше господство над собственными процессами поведения строится по существу так же, как и господство над процессами природы» (там же, с. 279). Но тогда получается парадокс: психические процессы уже есть, а человек ими только овладевает; однако, спрашивается, откуда они взялись, разве именно не происхождение этих процессов нуждается в объяснении? К тому же, зачем тогда социальная детерминация?

Спасая свою теоретическую конструкцию, Л.С. Выготский использует введенную еще в начале XIX века Фридрихом Фребелем оппозицию «внешнее — внутреннее» и понятие усвоение, причем внешнее определяется как социальное, а внутреннее как подобие («слепок») внешнего. «Многие авторы, — пишет Л.С. Вы-

готский, — давно уже указывали на проблему интериоризации, перенесения поведения внутрь... всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая... сам механизм, лежащий в основе высших психических функций, есть слепок с социального. Все высшие психические функции суть интериоризированные отношения социального порядка... вся их природа социальна; даже превращаясь в психические процессы, она остается квазисоциальной» (там же, с. 144–146). Но тогда получается другой парадокс: внутреннее — это не природный процесс, а скорее результат психотехнических (социально-педагогических) воздействий.

Очевидно, чувствуя эти затруднения, Л.С. Выготский характеризует овладение и по-другому, совершенно иначе, а именно как конституирование психической реальности на основе знаков; кроме того, развитие характеризуется Л.С. Выготским как переплетение внешних и внутренних (включая биологические) факторов. Применение знаков, пишет Л.С. Выготский, «в корне перестраивает всю психическую операцию, наподобие того, как применения орудия видоизменяет естественную деятельность органов и безмерно расширяет систему активности психических функций. То и другое вместе мы и обозначаем термином высшая психическая функция, или высшее поведение... Равным образом, когда ребенок усваивает, казалось бы внешним путем в школе различные операции,

усвоение всякой новой операции является результатом процесса развития... каждое внешнее действие есть результат внутренней генетической закономерности» (там же, с. 90, 150–151). Дело в том, что развитие по Л.С. Выготскому происходит не только в результате интериоризации, но и органического роста. «Поскольку, — отмечает Л.С. Выготский, — органическое развитие совершается в культурной среде, постольку оно превращается в исторически обусловленный биологический процесс. В то же время культурное развитие приобретает совершенно своеобразный и ни с чем не сравнимый характер, поскольку оно совершается одновременно и слитно с органическим созреванием, поскольку носителем его является растущий, изменяющийся, созревающий организм человека» (там же, с. 31).

Что же у Л.С. Выготского получается в итоге? С одной стороны, личность овладевает тем, что уже есть, с другой — овладение представляет собой, по сути, творение психической реальности с помощью знаков в процессе усвоения внешнего, обусловленного внутренним развитием. Спрашивается, как это можно понять и согласовать? Однако есть противоречия и противоречия. Противоречия Л.С. Выготского, на мой взгляд, являются источником дальнейшего развития психологической мысли, и не всегда их нужно спешить разрешать в духе монистического подхода.

Но посмотрим, продолжал Вадим Розин, в каком направлении Л.С. Выготский направил мысль психолога. Чтобы реализовать программу культурно-исторической теории, необхо-

димо было, во-первых, проанализировать и задать последовательность внешних социальных содержаний, которые усваивает или должен усвоить развивающийся человек, во-вторых, понять действие самого механизма интериоризации, в-третьих, охарактеризовать особенности внутренних содержаний (психических процессов и структур) и логику их «как бы имманентного» развития, которая на самом деле, по Л.С. Выготскому, есть сплав культурного и биологического.

Здесь я бы с вами впервые согласился, сказал наш психолог, но заметьте Василий Васильевич Давыдов решал именно эти, названные вами задачи.

И я не буду спорить, в ответ кивнул Вадим Розин. Да, наиболее последовательно все три задачи, пыталась решить школа Давыдова. С одной стороны, в ней с опорой на исследования в истории науки и логике задавались содержания, подлежащие усвоению, с другой — изучался сам механизм усвоения, с третьей — на основе психологических экспериментов и экспериментального обучения нащупывались особенности психических структур и предпосылки (Давыдов, 1996, с. 31). Тем не менее, решались все эти задачи в рамках указанных противоречий. В концепции В.В. Давыдова, например, трудно понять, какую все-таки роль играют психические структуры, а также как объяснить феномен возрастных или возможно культурных сдвигов (трансформаций) самого развития. Кстати, Л.С. Выготский помимо привычных представлений о развитии предлагал ввести понятие «революционного типа развития»

(«резкие и принципиальные изменения самого типа развития, самих движущих сил процесса» (там же, с. 151).

Кроме того, известно, продолжал Вадим Розин, что деятельностная концепция, в рамках которой работал В.В. Давыдов и многие другие российские психологи, сегодня подвергается серьезной критике. В 2001 году «Вопросы философии» опубликовали подборку статей известных отечественных философов, методологов и психологов, посвященных проблеме деятельности и деятельностному подходу. Основные позиции участников разделились «за» и «против». С одной стороны, признается кризис деятельностного подхода. Например, В.А. Лекторский в статье «Деятельностный подход: смерть или возрождение» констатирует, что «деятельностная тематика как в философии, так и в психологии утратила былую популярность» (Лекторский, 2001, с. 56). В.С. Лазарев в статье «Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления» пишет, что «деятельностный подход, создававшийся несколько десятилетий назад для преодоления психологического кризиса, сегодня сам находится в кризисном состоянии» (Лазарев, 2001, с. 33). С другой стороны, ведущие идеологи деятельностного подхода (В.А. Лекторский, В.С. Швырев, Ю.В. Громько, В.И. Слободчиков) утверждают, что деятельностный подход не только не изжил себя, но при определенной модификации и расширении является весьма перспективным. Правда, некоторые участники дискуссии, например, В. Лекторский, Ю. Громько, В. Швы-

рев предлагают такое расширение (например, учет представлений, полученных в недейлительностных и антидеятельностных концепциях и дискурсах), которое ставит под вопрос сам деятельностный подход. Об эволюции взглядов в отношении деятельностной концепции можно судить, например, по позиции В.П. Зинченко, являющегося, как известно, одним из создателей теории деятельности. «Психологическая теория деятельности, — пишет он, — игнорирует или упрощает духовный мир человека, редуцируя его к предметной деятельности, она бездуховна, механистична... Нужно преодолеть «детскую болезнь» и понять, что ни деятельность, ни культура не могут претендовать «на формулирование исчерпывающего объяснительного принципа» (Зинченко, 1987, с. 44, 50).

Мотивы критики теории деятельности, размышлял Вадим Розин, вероятно, следующие: во-первых, не удался эксперимент социалистического строительства нового человека. Некогда единая социалистическая школа, где ребенок формировался под сильным идеологическим давлением и контролем (то есть, когда, действительно, социальное-социалистическое определяло индивидуальное и личность), уходит в прошлое. Вместо этого складываются разные педагогические практики: светская школа, религиозная, эзотерическая (Вальфдорская педагогика), инновационное педагогическое творчество, школа, ориентированная на гуманитарные ценности, на ценности современного экономического общества и др. Во-вторых, идеи социалистического программирования,

проектирования и управления, теоретическим обоснованием которых, к сожалению, выступали идеологически истолкованная культурно-историческая теория и теория деятельности, все больше подвергаются критике. Вместо них предлагаются такие варианты социального действия, которые основываются на участии всех заинтересованных субъектов (идеи педагогики сотрудничества, участия в образовательном процессе учеников и родителей и пр.). В-третьих, меняются представления о психическом развитии. Оно объясняется теперь не только в рамках психологии, ориентированной на идеалы естественной науки. Все больший интерес привлекают к себе психологические теории гуманитарной ориентации, а также и непсихологические концепции (понимающая социология, антропология и др.). В рамках этих подходов развитие ребенка описывается иначе, чем в теории деятельности. В-четвертых, современная жизнь становится все более разнообразной и культуросообразной. Для нее характерны разные формы и стили жизни, многообразие форм культурного существования. Социальная жизнь все больше определяется культурными факторами. Л.Г. Ионин отмечает, что «изменяется роль культуры в обществе, при этом меняется само понимание культуры. Это уже не столько пассивное отражение, пассивный слепок с реальных процессов поведения, сколько их активная «форма». «Кодируя», «драматизируя» свое поведение, соотнося его с мифом и архетипом, индивиды сознательно используют культуру для организации и нормализации собственной деятель-

ности. Поэтому было бы глупо сейчас ссылаться на популярные несколько десятилетий назад представления о культурном лаге, об отставании культурного осмысления от реальных социальных процессов; наоборот, теперь культура оказывается логически и фактически впереди того, что происходит в реальности... Как заостренно сформулировал западный ученый: «Там, где раньше было "общество"... стала "культура"» (Ионин, 1996, с. 5, 6).

Так вы что, полностью отрицаете культурно-историческую теорию, может спросить наш эксперт? Напротив, отвечает Вадим Розин. На мой взгляд, оба тезиса — *исторического подхода и принципиальной роли знака в становлении и развитии психики* полностью сохраняют свое значение. Однако во времена Л.С. Выготского семиотика только складывалась. Вероятно, поэтому программа Л.С. Выготского, ориентированная на создание культурно-исторической теории практически не была реализована. От программы до ее реализации, как известно, большой путь. Нужно иметь специальное, психологически ориентированное учение о знаках (то есть особый вариант семиотики), психологически ориентированную социологию, понять, как происходит, по выражению В.Н. Волошинова, проникновение социального в «организм особи», как затем психика функционирует как бы «сама по себе», т. е. в естественном режиме, проанализировать, какие ограничения на психические процессы накладывает своеобразие личности человека, и др. Не менее важно переосмыслить, переинтерпретировать психические процессы и структуры

(сохраняя онтологию психического) в семиотическом, социологическом, культурологическом ключах. Кроме того, в начале XX столетия еще не были четко разведены «исторические описания» и «генезис». Сегодня мы понимаем, что генезис — это рациональная реконструкция истории под углом тех задач, которые мы решаем и тех подходов, которые проводим. Л.С. Выготский имел в виду именно генезис психики. И по поводу семиотической природы человека мы знаем значительно больше.

Чтобы реализовать в психологии культурно-историческую точку зрения (подход), необходимо сделать, по меньшей мере, три вещи: указать, *что можно понимать под культурой, каким образом при этом характеризуется человек, наконец, как при всем том сохранить и провести психологическое понимание человека.* Дело в том, говорил Вадим Розин, что в некотором отношении культурно-исторический подход противоречит психологическому. Не случайно, поэтому ни сам Л.С. Выготский, ни А.Н. Леонтьев, ни другие психологи так и не смогли реализовать заявленную концепцию. Чтобы лучше понять мое утверждение, сказал Вадим Розин, взглянем на историю психологии.

Известно, что в период своего формирования во второй половине XIX веке научная психология противопоставляла себя философии и ориентировалась на идеалы естественной науки. С точки же зрения этих идеалов, психика рассматривалась, во-первых, как природное, а не историческое явление, во-вторых, предполагалось, что можно выявить законы, определяющие строение и функ-

ционирование психики. Не исключая, кстати, психологических школ, например, гештальтпсихологии, пытавшихся рассматривать психическую жизнь «в ее целостности и внутренней связи». Гештальтисты, замечает М.Г. Ярошевский, утверждали не только несводимость гештальтов к их частям, но и «существование особых законов гештальта. Им представлялось, что, опираясь на эти законы, психология превратится в точную науку типа физики» (Ярошевский, 1974, с. 213).

На первый взгляд, этому подходу противостоит другой, инициированный в конце XIX века В. Дильтеем и развитый затем в рамках гуманитарной психологии. Но и здесь психологи не смогли преодолеть понимание психики как явления, напоминающего природные феномены. Они считали, что все же можно выявить собственно психологические процессы и факторы, определяющие психическую жизнь. Даже когда вводились «факторы со стороны», например, семиотические и социальные или биологические, или особые состояния сознания, предполагалось, что эти факторы со стороны — всего лишь внешняя детерминация, а не имманентная составляющая психики.

Учтем, продолжал Вадим Розин, и такое обстоятельство: психология складывается как научная и практическая дисциплина, призванная объяснить и обслуживать новоевропейскую личность. Вспомним заявление Л.С. Выготского: «Детская психология не знала, как мы видели, проблемы высших психических функций, или, что то же, проблемы культурного развития ребенка. Поэтому для

нее до сих пор остается закрытой центральной и высшая проблема всей психологии — проблема личности и ее развития». Если мы теперь учтем, что новоевропейская личность понимает себя как «универсум» (все, что претерпевает личность, все ее решения и выборы рассматриваются как принадлежащие данной личности, входят в ее круг) и одновременно как «регулятивный принцип» (личность сама решает и сама исполняет собственные решения), то ясно, что для функционирования личности необходимы средства, с одной стороны, ей органичные и созвучные, с другой — помогающие осуществлять соответствующие выборы и решения. Именно психологическая наука и практика наряду с другими сферами деятельности (философией, наукой, искусством, религией) предоставляют личности такие средства. По сути, психологические знания и закономерности — это схемы, на основе которых новоевропейская личность (разные типы таких личностей) себя осознает и конституирует, понимает и направляет. Но ведь новоевропейская личность, обратил внимание Вадим Розин, — это всего лишь один исторический тип человека. В предшествующих культурах мы находим другие исторические типы личности. Итак, вроде бы мы приходим к выводу, по которому культурно-исторический и психологические подходы противоположны. Первый предполагает историческую трактовку человека и признание разных типов психики. Второй подход ориентирован только на обслуживание новоевропейской личности.

Тем не менее, продолжал Вадим Розин, думаю, указанные подходы

все же можно связать. Но для этого в истории культуры нужно выделить такие планы, в которых *условия существования человека сохраняются неизменными*, ведь психолог обычно трактует психику как константную структуру. Можно считать неизменными условия существования человека в отдельной культуре, если эту культуру сравнивать с другими. Неизменны условия и для отдельного поколения, если эти условия сравнивать с теми, которые складываются у следующих или предшествующих поколений. Неизменны условия существования для отдельной личности, если ее сравнивать с другими типами личности. В определенном смысле необходимо считать неизменными и условия модернити, иначе у нас не будет фиксированной точки отсчета. При этом важно различать два разных случая. В одном при неизменных условиях речь идет о *функционировании и развитии* человека. В другом — о *становлении* нового антропологического типа. Например, внутри отдельной культуры происходит развитие человека. При смене культур имеет место становление нового типа. Внутри определенного «скрипта» (сценария и принципов жизни) идет развитие личности; при смене скриптов (но не всегда) — становление новой личности.

Что означает неизменность условий жизни человека? Мы можем считать, что в этот период психика человека имеет стабильную структуру (включая ее развитие). Поэтому ее можно описать и считать, что выделенная в знании структура и есть структура психики. При смене рамок анализа и задач, например, переходе

от сравнения культур к сравнению поколений (от задачи объяснения цикла жизни культуры к задаче объяснения представлений, характерных для отдельных поколений), меняются и структуры психики и модели, их описывающие. Таким образом, за каждым типом психики стоят исторические ситуации и разные типы психологических задач.

С точки зрения этого подхода, наиболее интересны следующие исторические типы и трансформации: «прачеловек» докультурного периода, «человек культурный» или социальный индивид (здесь столько типов, сколько мы можем различить отдельных культур — «архаический человек», «человек древних царств», «античный человек», «средневековый», «ренессансный», человек «нового времени», «человек Востока» и т. д.), «человек определенного поколения», «латентная личность», «актуальная личность» (античная, средневековая, ренессансная, нововременная), «личность уникальная» (например, Сократ или Альберт Швейцер) «личность массовая», «эзотерическая личность». Помимо, так сказать, чистых типов психики можно говорить и о смешанных формах; эмпирически такие случаи даже более частые.

Боюсь показаться нескромным, подытожил свои рассуждения Вадим Розин, но думаю, именно я реализовал в рамках междисциплинарного подхода (применяя методы культурологии, семиотики, психологии) культурно-историческую теорию. У меня есть работы по анализу человека древнего мира, античного и средневекового человека, человека нового времени. Я показываю, как,

начиная с античности, складывалась личность и какие этапы она прошла в своем развитии, а также как современная культура может способствовать ее маргинализации и деформации (Розин, 2002; 2003а,б; 2004а,б,в; 2006а,б; 2007; 2008).

В этом месте наш психолог может сказать, что он уже догадывается, как Вадим Розин расправится с психологической практикой, камня на камне от нее не оставит.

Не преувеличивайте мои способности, скажет Вадим Розин. Я только проблематизирую ситуацию в психологии, причем для ее же здоровья. Помните, что в «Апологии» говорил Сократ: афинское общество напоминает ожиревшую лошадь, а Сократ как овод ее жалит, чтобы она не дремала и жила активно, поэтому Сократа нужно не судить, а наоборот, всячески поощрять.

У нас хватает собственных оводов, заметит наш психолог, например Владимир Петрович Зинченко уже давно этим занимается.

Не скажите, некоторые укусы напоминают поцелуй, а надо так укусить, чтобы психологи проснулись. В объятьях настоящих методологов дремать невозможно. Но хватит шуток, продолжал Вадим Розин, я действительно очень скептически отношусь к психологической практике. На мой взгляд, психологи, во-первых, не осознают, что эффект их действий больше связан не с психологическими методами, а с общением, во-вторых, что они в основном заняты вменением и внушением своих собственных схем.

Но разве вы, Вадим Розин не занимаетесь тем же самым, то есть вменением схем, хотя бы в этой статье,

обязательно должен спросить наш эксперт.

Да, конечно, ответит Вадим Розин, всякая социальная деятельность, не только научная, но и в сфере политики, искусства, образования, обязательно, предполагает суггестию и вменение схем. Но заметьте, коллега, я не делаю вид, что веду чистый анализ (психо-анализ), что не внушаю. Да, внушаю, изо всех своих сил вменяю вам мои схемы. Но при этом, понимаю, что делаю и стараюсь работать на благо человека и культуры. Другое дело, что благо, человека и культуру можно понимать по-разному и что реально получается из наших усилий; однако, как говорил Сергей Аверинцев, «человек сам себе не судья». Я призываю только к одному: давайте стараться не создавать мифов и отслеживать, что мы делаем на самом деле. У практикующих же психологов масса мифов: что они эффективны, что строят свои методы на основе точной науки психологии, что эффект их усилий проистекает именно за счет психологических методов, что человек «прозрачен» и его рано или поздно целиком и полностью можно описать на основе исповедуемой исследователем (практиком) психологической теории.

Практически все психологи имеют ряд склонностей, которые усиливают кризисные явления в психологии. В качестве первой я бы указал на желание натурализовать, объективировать свои теоретические и нетеоретические интерпретации и версии, не осуществляя необходимой критической проработки этих процедур. Сама по себе объективация интерпретаций необходима, только в этом случае психолог-практик или па-

циент могут выйти на новое видение, а также нащупать необходимые для улучшения здоровья действия. Но дело в том, что психологические знания, с одной стороны, частичны, а с другой — могут быть *неадекватны*. Частичны они в том отношении, что, описывая психику — образование достаточно сложное (на это указывает и совокупное психологическое знание и философские учения), психологи в своих теориях схватывают лишь отдельные структуры и планы этого сложного образования. Говоря так, я имею в виду прежде всего теории, которые широко используются в практике. Безусловно существуют и достаточно сложные психологические теории, приближающиеся к философским, например, некоторые психологические теории личности. Но подобные теории редко используются в практике.

Психологи предпочитают (склонны) в практических целях использовать упрощенные, частичные представления человека, например, психоаналитические теории, учение Э. Берна (трансактный анализ), представления когнитивной психологии и т. п. С подобными упрощенными представлениями (упрощенными для Вадима Розина, а не для их последователей), легко оперировать, т. е. их легко по функции превращать в модели и знания. Но вопрос, как я отмечал, в том, являются ли они моделями? Здесь естественно приходится обсуждать вопрос об адекватности теоретических представлений психологической науки и практики.

Один критерий адекватности — это соответствие типа психологической теории типу человека, для которого эта теория была фактически

создана. Как уже отмечалось, психоанализ был ориентирован на человека, находящегося в конфликте с культурой и с самим собой, а затем в практике психоанализа был создан «человек по Фрейду». В практиках гуманитарной психологии был выпестован «человек по Роджерсу или Франку» и т. д.

Второй критерий — это соответствие психологической теории той проблеме или психологическому нарушению, с которым к психологу пришел человек. Одно дело, если клиент на самом деле просто хочет улучшить качество своего общения, другое, если у него невротическое состояние, третье, если он решает кардинальные проблемы жизни и смерти. Бывают и случаи (и нередкие), когда у человека на самом деле нет никаких проблем и он совершенно здоров (впрочем, нередко до той поры, пока не пообщался с психологом). Лично для меня, говорил Вадим Розин, очевидно, что все перечисленные случаи, а их на деле значительно больше, не могут разрешаться с помощью какой-нибудь одной, даже самой современной психологической теории. Впрочем, здесь ситуация вполне аналогичная медицинской: ведь хирург не возьмется лечить инфекционное заболевание, а скажем, невропатолог заболевания внутренних органов. Психологи же иногда берутся помогать во всех возможных случаях, переинтерпретируя проблемы клиента в благоприятном для их учения направлении.

Третий критерий — соответствие психологической теории направленности и характеру эволюции личности человека. Представления об эволюции личности, вероятно, сходно,

но не совпадает с понятием «зоны ближайшего развития», которое ввел Л.С. Выготский.

Поскольку психологические теории и представления, используемые психологами-практиками, частичны, а также могут быть неадекватными в указанных отношениях, они, как уже отмечалось, не могут в большинстве случаев рассматриваться как модели и знания. Скорее они представляют собой определенные схематизации психики, а схема в отличие от модели хотя и позволяют действовать, но не дает никакой уверенности в адекватности и эффективности соответствующего действия. Некоторые ответственные психологи понимают это. «Так как механизм и сущность гипноза, — пишет Леон Шерток, — нам неизвестны, то следовательно врач-гипнотизер и сам не может быть полностью уверен в своих действиях, и не в праве что-либо гарантировать пациенту» (Шерток, 1990, с. 46).

Вторая склонность психологов-практиков: придавать чрезвычайно большую роль осознанию ситуаций, приводящих к психическим нарушениям, слабо понимая роль переосмысления. Дело в том, что, осознание таких ситуаций — всего лишь одна из возможных реконструкций и интерпретаций; пожалуй, более важно, как эти ситуации представлены, позволяет ли их описание переосмыслить поведение и установки клиента. Безусловно, важно, чтобы пациент и клиент отнесли эти описания к себе, рассмотрели их как описание собственной истории, жизни, событий. Однако последнее больше зависит от концепции пациента (его представлений о своем неблагополучии и эффективности предложенной

ему психологической помощи), от его желания поверить врачу, чем от реальных аргументов психолога и его попыток реально исследовать — прошлое и психику пациента. Вообще современный психолог-практик стремится быстрее выйти на знание и модель, понять, что с клиентом произошло. При этом он не отдает себе отчета в том, что чаще всего его средства ограничены, что ему приходится работать со схемами и интерпретациями, что у клиента и пациента могут быть другие, весьма отличающиеся представления.

Третья склонность — отождествлять собственные представления психолога с представлениями пациента или клиента. Другой более слабый вариант — не учитывать представления и концепцию пациента. Дело в том, что, как правило, пациенты плохо осознают свои концепции и ожидания. Но отсутствие осознания не означает отсутствие концепции у пациента, то есть его представлений о психологической помощи и соответствующих ожиданий. Если психотерапевт не отрефлектировал эти представления и ожидания, иногда впервые их сформулировав, он, очевидно, не может рассчитывать на успех, ведь концепция пациента может быть противоположна теории, на основе которой действует психолог.

В качестве еще одной склонности, но естественно, не у всех, можно указать на стремление культивировать болезнь, на склонность к патологии. В этом смысле весь психоанализ может быть рассмотрен в этом ключе — как культивирование патологических наклонностей.

Однако склонности имеют не только психологи-практики, но и их клиен-

ты и пациенты. Например, многие пациенты любят лечиться, они культивируют свои проблемы и психические нарушения, поскольку видят в этом способ поднять свою значимость или получить доступ к общению. Такой пациент вовсе не стремится стать совершенно здоровым, поскольку в этом случае он не сможет себя полностью реализовать. Конечно, большинство подобных пациентов не понимают, к чему на самом деле они стремятся, а психологи хотя часто и понимают, но предпочитают закрывать на этот факт глаза. Как сказал Томас Сас в ответ на утверждение, что психотерапия должна быть честной: «Многие пациенты хотят как раз не честности, и задача терапевтов — предоставить им это». Говоря в данном случае о нечестности, Томас Сас имел в виду склонность пациентов делать вид, что они нуждаются в психологической помощи, хотя скорее им нужно общение и «игра» в психологическую помощь. Здесь опять тот же вопрос: является ли участие психолога в судьбе его клиентов (обсуждение их проблем, общение с ними, передача им энергии и уверенности) специфически психологическим средством?

Вот-вот, я и говорил, удовлетворенно подытожит наш психолог, Вы от практической психологии — нашей гордости, не оставили камня на камне.

На что Вадим Розин должен ответить примерно так. Поясню, сказал он, еще раз свою позицию. Психолог не только изучает человека в науке, но его также конституирует, помогает ему стать человеком, изменяться, развиваться. По форме такое конституирование часто представляет собой

символическое и схематическое описание опыта человека, создание о человеке такого знания, которое одновременно является событием для него, т. е. знание как событийность. В этом смысле психологическое познание есть одновременно вовлечение человека в определенное бытие. Думаю, таково всякое хорошее психологическое знание. Но не нужно забывать, что психолог может способствовать не только духовности, но и антидуховности, не освободить для человека место для его жизни и развития, а закрывать путь для его духовного роста, для свободы. Возможно, тогда это не психология, а псевдопсихология? К сожалению, нужно признать, что традиционные ориентации психологии на естественно-научный идеал превращают ее в такую псевдопсихологию. Однако псевдопсихология работает против человека и культуры.

Уверен, психология стоит на пороге принципиально нового этапа своего развития; психологию сейчас характеризуют ориентация на несколько разных идеалов научного познания, общий сдвиг познания в область идеалов гуманитарной науки, создание психологических практик. Одни программы построения психологии исчерпали себя, другие только складываются. Во всех случаях современное психологическое знание и познание должны быть методологически оснащенными, диалогичными, отзываться на живые проблемы времени, способствовать духовному росту человека, лучшему пониманию им самого себя.

Ф.М. Достоевский сказал, что человек — это тайна, но не жаль потратить целую жизнь, разгадывая эту

тайну. Если человек всего лишь особый объект первой природы, пусть даже такой объект будет сложнее солнечной системы или галактики, то рано или поздно тайна человека будет разгадана, а его поведение будет описано не менее строго, чем движение планет в солнечной системе. Если он всего лишь сложный психический механизм, пусть даже на поверхности (в сознании) нам видна только верхушка айсберга, а остальная часть его уходит в бессознательное, то все равно рано или поздно «новый Фрейд» окончательно разгадает тайну человека. В этом случае психика человека для ученых будет совершенно прозрачна, а его поведение может быть рассчитано и предсказано аналогично тому, как сегодня мы рассчитываем затмение солнца и луны или надежность машин.

К счастью (или для кого-то к несчастью), человек — не объект первой природы, его психика постоянно изменяется и эволюционирует. Она меняется при смене культур, а также под воздействием психотехник. Диапазон же разных психотехник весьма широк, начиная от психотерапии и образования, заканчивая духовным совершенствованием самого человека или эзотерической практикой. В этом смысле и тайна человека постоянно меняется и ускользает от психолога.

Но зато у психолога есть благородное и ответственное поприще: он не только изучает человека, пытаясь разгадать его тайну, психолог участвует (вместе с философом, художником, педагогом, но несколько иначе) в формировании нового человека, человека рождающегося вновь и вновь. Поэтому психология мало

напоминает естественные науки, она ближе к гуманитарной науке, но, может быть, психология демонстрирует нам совершенно особый случай — науку нового, еще неизвестного типа. Ведь помимо научного знания в психологии создаются символические описания и своеобразные проектные знания. К тому же отношения между наукой и практикой здесь необычны: наука непосредственно переходит в практику, и наоборот.

Учитывая, что психологические теории и схемы являются частичными и часто неадекватными, что понять с каким именно случаем имеет дело психолог весьма трудно, что даже, если подобное понимание имеется, оно — всего лишь гипотеза и интерпретация, учитывая все это, можно утверждать, что действия психолога-практика должны быть весьма осторожными и постоянно корректироваться, исходя из результатов психологической помощи и постепенного уяснения самого случая. В связи с этим формулу действия психолога

можно определить так: максимум рефлексии и культуры мышления, максимум осторожности, максимум ответственности.

Психолог должен постоянно задавать себе вопросы типа: что он делает на самом деле, адекватны ли его действия с точки зрения данного случая, смог ли он понять, с каким, собственно говоря, случаем имеет дело, учел ли он концепцию клиента, не использует ли он психологическую помощь в этически неоправданных целях, как убедиться, что выбранная им стратегия психологической помощи верна и эффективна и т. п.

Новый взгляд на психологию, закончил свою речь Вадим Розин, открывает для психолога почти бесконечные возможности для творчества, создает перспективу для будущего, побуждающие условия для духовной работы. Одновременно, он заставляет психолога критически взглянуть на себя и свою деятельность. С тем, чтобы измениться и, наконец, стать ответственным.

Литература

Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982.

Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. Соч. в 6 т. Т. 3. М., 1983.

Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996.

Зейгарник Б.В. Об эксперименте в школе К. Левина // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. № 1.

Зинченко В.П. Культурно-историческая психология и психологическая теория деятельности: живые противоречия и точки роста // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1987. № 1.

Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.

Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3.

Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение // Вопросы философии. 2001. № 2.

Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.

Розин В.М. Личность как учредитель и менеджер «себя» и субъект культуры // Человек как субъект культуры. М., 2002.

Розин В.М. Российский маргинал как точка бифуркации // Философские науки. «Гуманитарий». № 8. М., 2003а.

Розин В.М. Человек культурный. Введение в антропологию. Учебное пособие. М., 2003б.

Розин В.М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. М., 2004.

Розин В.М. Личность и ее изучение. М., 2004б.

Розин В.М. Терроризм как симптом кризиса техногенной цивилизации //

Независимая газета НГ-наука. 22 сентября 2004в.

Розин В.М. Любовь в зеркалах философии, науки и литературы. М., 2006а.

Розин В.М. Мышление и творчество. М., 2006б.

Розин В.М. Демаркация науки и религии. Анализ учения Эмануэля Сведенборга. М., 2007.

Розин В.М. Феномен множественной личности (по материалам книги Дэниела Киза «Множественные умы Билли Миллигана»). М., 2008.

Тхостов А.Ш. Психотерапевт и его магия // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1.

Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. М.,-Л., Харьков, 1997.

Шертюк Л. «Гипноз — это толпа на двоих» // Человек. 1990. № 1.

Ярошевский М.Г. Психология в XX столетия. М., 1974.